

Елена Костюченко: «Мы увидим рассвет и его опишем»

08.02.2024.

Photo © N. Sikorsky

Вчера в Швейцарском Клубе прессы в Женеве была представлена книга «[Моя любимая страна](#)» бывшей журналистки «Новой газеты», продолжающей выполнять свой профессиональный долг – говорить правду. Сегодня книга, вышедшая во французском переводе в издательстве Noir sur Blanc, поступит в книжные магазины Швейцарии и Франции.

«А кто это?», «Где-то я уже слышал/слышала эту фамилию», «Она что, еще жива?» - так реагировали некоторые мои знакомые, узнав, что я отправляюсь на встречу с Еленой Костюченко. Прежде всего, – да, к счастью, жива! А на вопрос «кто это?», вот ответ: бесстрашная российская журналистка. Елена родилась в 1987 году в Ярославле в бедной семье – иногда в доме нечего было есть. В возрасте девяти лет стала петь в хоре, зарабатывая по 30 рублей за выступление. Журналистикой начала заниматься во время учёбы в старших классах школы, публиковалась в ярославской областной газете «Северный край». Открыв для себя статьи Анны Политковской, решила сделать журналистику своей профессией и «когда-нибудь» работать в «Новой газете». Мечта сбылась! Переехав в 2004 году в Москву и поступив на факультет журналистики МГУ, уже через год Елена становится специальным корреспондентом своего любимого издания, предпочитая заниматься журналистикой расследований: она писала о массовом убийстве в станице Куцевской, о матерях погибших в Беслане детей, делала репортажи о жителях деревень вдоль трассы «Сапсана», о подростках, живущих в заброшенной Ховринской больнице, об уличных проститутках, о наркоманах...

Активистка ЛГБТ-движения, в 2014 году Елена Костюченко участвовала в расследовании о россиянах, погибших в бою за Донецкий аэропорт, вела репортажи с мест боевых действий в Украине. В 2022 году освещала вторжение России в Украину – опять с места событий. Получала угрозы расправы, пережила отравление, тяжелейший нервный срыв, вынужденную эмиграцию... И продолжает работать. Встретив Елену на улице, вне контекста, вы никогда не подумаете, что в этой хрупкой на вид молодой женщине с голубыми глазами сестрицы Аленушки таится такой железный характер, такая негибкая убежденность в верности выбранного пути.

Директор Швейцарского клуба прессы Изабель Фалконье, Елена Костюченко и переводчица Мод Мобийяр на презентации книги © NashaGazeta

Читая книгу «Моя любимая страна» сначала по-русски, а потом по-французски, я не могла избавиться от ощущения *déjà lu*, «уже прочитанного». Не в том смысле, конечно, что Елена Костюченко позволила себе плагиат, а в смысле параллелей с хрестоматийной пьесой Максима Горького «На дне». Принципиальная разница в том, что в случае Горького речь идет о художественном произведении – пьеса, хоть и основанная на личном опыте автора, писалась для театра, для исполнения актерами. «Моя любимая страна» – это сборник статей, большая часть которых была опубликована в разные годы в «Новой газете», их персонажи – реальные люди, живущие рядом с нами, но часто остающиеся «за кулисами» жизни, если уж придерживаться театральной терминологии.

О том, что изменилось и не изменилось в России за век с почти четвертью, о навсегда утраченных иллюзиях и еще теплящихся надеждах мы побеседовали с Еленой Костюченко вчера сразу после презентации в Клубе прессы.

Елена, в 2006 году, после убийства Анны Политковской, президент России Владимир Путин заявил, что «ее влияние на политическую жизнь России было минимальным». Ее убийцы так и не были найдены, а наша общая любимая страна стабильно занимает высокие места в рейтингах смертности журналистов. На суперобложке французского издания Вашей книги указано: «Наследница Анны Политковской». Во всем мире журналистика считается «четвертой властью». Какова ее роль в современной России, на Ваш взгляд?

Я не считаю журналистику четвертой властью: за весь мир не скажу, поскольку не жила и не работала за рубежом достаточно, чтобы понимать, как там это функционирует, но в России точно. Я не верю в миссию журналистики. Мы доставляем людям информацию точно также, как им доставляют продукты или одежду, если они их заказывают.

Но является ли информация товаром первой необходимости?

Да, потому что она помогает людям формировать свой взгляд на мир, ориентироваться в нем и принимать правильные решения. Так что это жизненно необходимый, но товар. Однако если исходить из того, что высшая цель у журналистики есть, то, на мой взгляд, она заключается в выстраивании невидимых связей между людьми, делающих людей менее чужими друг для друга. Эти невидимые связи – самое прочное, что есть на земле. По крайней мере, в моей жизни это точно оказалось так. Когда рухнуло все, что ее составляло, остались только люди и их поддерживающие руки. Когда я писала книгу, мне хотелось, чтобы какая-нибудь российская проститутка на обочине шоссе и швейцарская женщина, выходящая вечером в свой сад выкурить сигарету, поняли бы друг друга.

В прошлом году книга вышла на русском языке в издательстве «Медуза», с которым Вы начали сотрудничать после приостановки «Новой газеты», и была тут же раскуплена. Однако на сайте осталась совсем короткая аннотация, суммирующая книгу, как рассказ о том, «как в путинской России пророс фашизм». Вы согласны с таким определением?

Да. Это книга именно о том, как он прорастал, рос и в итоге расцвел войной, и о том, как живут люди, пока он растет. Фашизм – страшная вещь, и страшно разглядеть его и признать его наличие, легче до последнего это отрицать. Многие думали, что тот факт, что наша страна воевала когда-то с фашизмом, наделил нас неким иммунитетом. Оказалось, что это не так, иммунитета не существует.

Elena Kostiouatchenko Russie, mon pays bien-aimé

Traduit du russe par Emma Lavigne
et Anne-Marie Tatsis-Botton

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Собранные в книге тексты в разные годы публиковались в «Новой газете», однако представлены они не в хронологическом порядке. За этим стоит какой-то смысл?

Да. Помимо текстов, опубликованных в «Новой газете», в книге есть моя личная как бы сквозная история, которая нигде опубликована не была. Размышляя о том, как эти тексты располагать, я поняла, что следовать надо не хронологии, а какой-то внутренней логике: каждая глава имеет свою тему, участвующую в понимании того, как в России возник фашизм. Я поняла, что делю очень много травм со своими героями.

Ваше детство прошло в деревне с романтическим и очень литературным названием Ларино. Интересовала ли Вас в юности пушкинская Татьяна?

Мне очень нравится ее письмо и сам факт того, что она написала Онегину – это очень круто, особенно по тем временам. Непонятно было ее финальное решение: «Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна.» Если любишь, почему не быть вместе?

Читая Вашу книгу, я все время думала о пьесе «На дне», которую все мы «проходили» в советской школе. Ее герои, как Вы помните, опустившиеся и сломленные жизнью люди – бедняки, воры, проститутки... Почему Вас тоже привлекает именно этот слой общества, считающийся обывателями низшим?

Я не считаю, что это низший слой общества. Я вообще не считаю, что иерархичность в обществе полезна, и стараюсь максимально от нее отойти и в книге, и в жизни. К сожалению, наше общество крайне иерархично – об этом можно судить и по тому, каких героев мы чаще всего слышим в медиа. Мне всегда хотелось разговаривать именно с теми, с кем никто разговаривать не хочет, поскольку именно они могут рассказать, как все устроено, именно исключенные из системы знают о ней правду.

Во время интервью © NashaGazeta

Когда «На дне» поставили в 1902 году в московском Художественном театре, эта пьеса рассматривалась как революционная, поскольку призывала к

выходу из подвала, то есть к освобождению. Но как освободиться, если «дни и ночи часовые стерегут мое окно»? Однако пьеса была поставлена и шла. Удивительная параллель с современностью, с той разницей, что сейчас подобные пьесы, и даже гораздо менее «революционные», снимают с репертуара, а их авторы получают сроки. Позволяет ли это говорить о регрессии по сравнению даже с царской Россией?

Я не думаю, что в том, что происходит, существует какая-то линейность. В этом-то и сложность понимания ситуации. Мы видим какую-то дику архайчность, которая вылезает на поверхность, но продиктована она чаще всего страхом: в репрессивном обществе очень страшно оказаться крайним. Начинает работать самоцензура. Это тоже трудно объяснить на западе, где есть представление, что вот сидит в Кремле Путин и лично всем звонит и дает инструкции – например, директору театра. Проблема в том, что Путин сидит не только в Кремле, он сидит у очень многих в сердце, в голове, и этот внутренний Путин «всегда с тобой», направляя помыслы и действия. Это страшно.

В пьесе Горького есть Лука, обещающий всем «светлое будущее». В современной России эту роль исполняет правительство во главе с президентом Путиным, все время кормящим население обещаниями. Не секрет, что, вернувшись в СССР после лечения за границей, сам Горький трактовал свое произведение, как направленное против утешительной лжи. Но что делать, если большинство жителей России продолжают потреблять ложь, продолжая – фигурально, конечно – петь звучащую в пьесе песню: Как хотите стерегите, Я и так не убегу. Мне и хочется на волю — Цепь порвать я не могу.

Как тут не вспомнить Некрасова с его «этот стон у нас песней зовется»?! Почему многие наши с вами сограждане не только не могут, но часто и не хотят порывать свои цепи, продолжая думать, что, как Вы пишете, Путин их защитит?

Мне кажется, не стоит обобщать, а верить в утешительную ложь – свойство людей во всем мире, не только в России. К сожалению, для многих обезболивающим средством является распространяемая официальной пропагандой идея об исключительности России, об ее особой миссии. Тоска по миссии – это то, что мы унаследовали от Советского Союза. Она есть у моей мамы и есть у меня, хотя в СССР я прожила всего три года. Это еще одна вещь, которую трудно объяснить в Европе: почему мы не можем просто хорошо жить, без особого высокого смысла? «Высокий смысл», предлагаемый пропагандой, не требует, казалось бы, усилий: живи себе, слушай своего правителя и наполняйся смыслом, который дает война – «мы сражаемся с фашизмом». Люди, которые верят в этот бред, делают это не от хорошей жизни и не от большого количества ресурсов: если тебе нужно такое сильное «обезболивающее», значит, боль твоя постоянна и невыносима. Я очень горжусь теми россиянами, которые отвергают эту ложь.

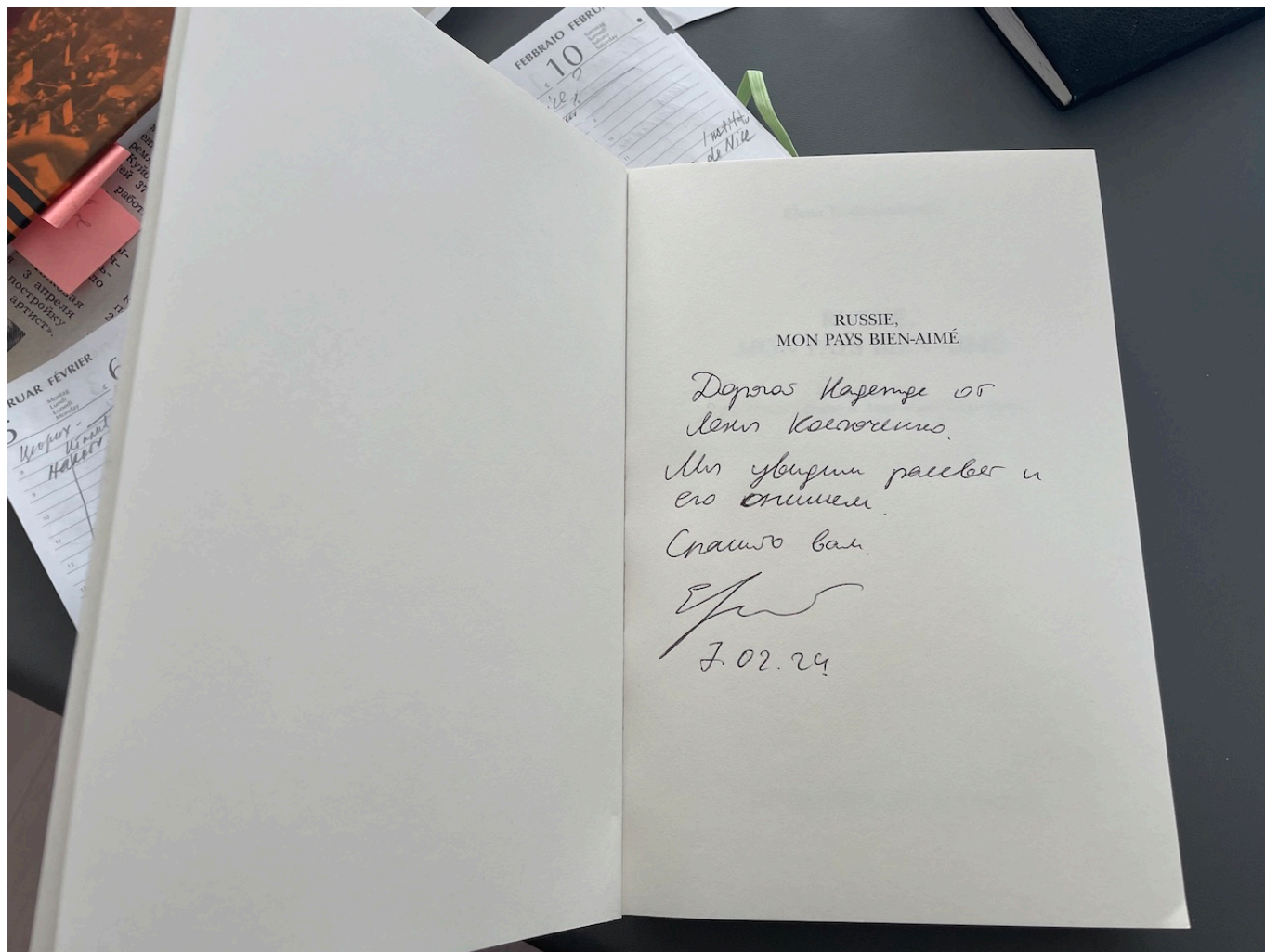
Официальная пропаганда утверждает, что 80% населения России – за Путина. Более тонкие социологические опросы показывают, что 15% искренне поддерживают войну, еще 15% активно ей противостоят, а остальные 70% ее терпят. Терпят, поскольку не видят способа противостоять, способа изменить реальность. Именно с

ними надо работать в первую очередь – показать им выход из кажущегося тупика. У всех нас, россиян, есть травма беспомощности, от которой необходимо избавляться.

Аннексия/присоединение Крыма и последующие за этим события с кульминацией 24 февраля 2022 года раскололи российское общество, обнаружив не только разрыв между поколениями, но и по-настоящему психологический, ментальный разрыв даже между ровесниками, приведший к конфликтам во многих семьях, к ссорам между многолетними друзьями. Ваша собственная семья тому пример. После Крыма «из мамы полезло чудовище», написали Вы в книге, а только что радостно сообщили, что взгляд мамы на войну начинает меняться, но она не знает, что с этим делать. Как Вам удалось ее переубедить?

Этого не случилось бы, если бы мы не любили так сильно друг друга, если бы не были готовы не отказываться друг от друга. Я для себя точно решила, что мою маму Путину не отдам: если бы я порвала с ней отношения, как сделали, к сожалению, многие мои знакомые, то у нее остался бы только телевизор и Путин в нем. Чудо было в том, что и она не готова была меня отдавать, поэтому мы два года разговаривали. Она сделала гигантское усилие, чтобы услышать меня, понять, продолжать говорить, несмотря на боль. Мне тоже было очень сложно: иногда, слушая ее, казалось, что я слушаю телевизор.

Удивительно, насколько наше общество оказалось неготовым слышать друг друга. Я уверена, что много бед можно было бы предотвратить, если бы во время так называемого «Крымского консенсуса», мы, не поддержавшее аннексию меньшинство, не замкнулись бы в своем моральном превосходстве, а продолжали бы говорить и слушать. Не знаю, спасло бы ли это нас, но делать это точно стоило.

Дарственная надпись и одновременно луч надежды © NashaGazeta

Одна из героинь Вашей книги - Мария Марковна, в свое время пережившая печально известное «дело врачей», - говорит Вашей маме: «Остановите свою дочь. Она не знает, что такое быть врагом государства». Считаете ли Вы себя врагом России?

Я не считаю себя врагом России, но я определенно враг современного государственного российского режима. Я считаю, что Путин – враг России, ее предатель: воспользовавшись оказанным ему доверием, он привел страну к войне, к фашизму. Надеюсь, когда-нибудь он будет назван именно так – врагом нашего народа.

Есть мнение, что для того, чтобы пережить кризис и не погибнуть, а «всплыть» после него, надо оттолкнуться от дна. Считаете ли Вы, что война в Украине стала тем дном, которое определит дальнейшее развитие России?

Война в Украине – это не дно, это пропасть, в которую мы летим. Нынешний режим не может эволюционировать. Для того, чтобы ход развития России изменился, должна произойти революция, и она произойдет, только если мы ее подготовим – это не атмосферное явление, она не случится сама по себе.

И уж совсем частный вопрос. Мы с Вами обе заканчивали факультет журналистики МГУ, справедливо славившийся своей очень сильной кафедрой русского языка - я еще застала профессора Розенталя, Вам, по молодости, повезло меньше, но все-таки. Вопрос о предложениях «в» или «на» в применении

к Украине перешел из области грамматики в область политики. Считаете ли Вы, что это вообще важно, и как бы реагировали наши старые профессора?

По учебникам профессора Розенталя я училась. Я не вижу смысла сопротивляться тому, что диктует жизнь. Язык пластичен, он изменчив, и Розенталю ли и другим великим ученым не знать об этом? То, что язык и сам акт говорения является частью политики, тоже известно. Украина заплатила и продолжает платить гигантскую цену за то, чтобы отстоять свою политическую субъектность, и, конечно, это должно быть отражено в языке. Так что, да – «в» Украине.

То, что красота не спасает мир, уже, кажется, доказано. В заключении Вашей книги Вы пишете о спасении словом, что тронуло меня невероятно. Как сделать так, чтобы слово Любви оказалось сильнее слова Ненависти?

Любовь вообще сильнее ненависти, она сильнее смерти. Очень важно не отдавать свою любовь на откуп политикам, навязывающим свое понимание того, что значит любить Россию, ее людей. Надо чувствовать эту любовь в своем сердце и любить деятельно. Такая любовь победит! Слово – одно из измерений реальности, но не единственное, и даже нам, людям пишущим, надо понимать, что одного слова недостаточно.

[русская литература в Швейцарии](#)

[русская литература на французском языке](#)

[протестное движение в России](#)

Source URL:

<https://rusaccent.ch/blogpost/elena-kostioutchenko-nous-verrons-le-lever-du-soleil-et-le-dec rirons>